

Муфтахутдинова Д.Ш. (КФУ, Казань)

ИСЛАМ И ХРИСТИАНСТВО: ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ПОИСК ИНТЕГРАЦИИ ТАТАР- МУСУЛЬМАН В РОССИЙСКУЮ НАЦИЮ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Аннотация. Статья раскрывает различные видения путей интеграции мусульманского населения Поволжья и Приуралья в российскую политическую нацию. С одной стороны, в статье раскрывается как власть с помощью «метода Ильминского» пыталась русифицировать нерусское население империи, с другой стороны, в работе рассказывается, как мусульманские модернисты предлагали свой вариант интеграции в российскую нацию на основе собственной мусульманской идентичности.

Ключевые слова: российская государственная власть, русская православная церковь, конфессиональная политика, христианизация русификация, мусульманская умма, кадимизм, джадидизм.

**Islam and Christianity: a controversial search integration
Muslim Tatars in the Russian nation (the second half of XIX -
early XX centuries.)**

Abstract. The article reveals the different visions of how to integrate the Muslim population of the Volga and Ural Russian

political nation. On the one hand, the article reveals how the power of using the «method Ilminsky» tried russify non-Russian population of the Empire, on the other hand, in the work explains how Muslim modernists offered his version of the integration into the Russian nation on the basis of their own Muslim identity.

Key words: Russian government, the Russian Orthodox Church, confessional politics, Christianization Russification, the Muslim Ummah, kadimizm, Jadidism.

Российская государственная власть вплоть до 1917 года вынашивала и планомерно осуществляла по отношению к мусульманскому населению империи политику, направленную на дальнейшее расширение границ империи за счет мусульманских стран и народов, а в плане внутренней политики преимущественным способом интеграции инородцев в российское пространство власть видела в ассимиляционной политике. Эта политика осуществлялась, прежде всего, через добровольное или насильственное крещение, проводимое разными способами на протяжении со второй половины XVI – вплоть до начала XX вв. Цель этой политики была предельно ясна. Прочитируем отрывок анонимного текста из миссионер-

ского журнала «Сотрудник братства святителя Гурия»: «Коль скоро инородец усвоил себе православие сознательно и убежденно, умом и сердцем, он уже обрусел». Совершенно ясно, что гомогенным в этническом плане населением было легче управлять. Кроме того, по мнению политиков, отпадает опасность геополитического влияния мусульманских стран на нерусское население России.

Действительнее всего эта цель достигалась через систему образования. Эту целевую установку в национальной политике наиболее четко выразил публицист конца XVII – начала XVIII века И.Т. Посошков. В своем назидательном очерке, адресованном Петру 1 «Завещание отеческое» он выдвинул следующие целеполагающие установки: «...а когда застарел в них христианская вера (имеются ввиду нерусские народы)..., то надлежит ...иноязычникам безграмотным указ предложить если бы дети их десятилетние все умели по русски глаголити. А буде какой отрок или отроковица до 10 лет русского языка совершенно не научатся, и тех детей у них отымать и отдавать всякого чина людям русским в вечную работу ...И такова ради положения все будут детей своих учить по русску говорить и, детей уча, мало-помалу и сами научат-

ся русскому языку. А егда те дети возмужают, то мочно запретить, чтоб отнюдь, ни старой, ни малой, кроме русского языка и между собою отнюдь не говорили» [4, с. 325].

Обращает на себя внимание, что нерусские народы должны были быть «безграмотными», история показала, что только тогда их можно было русифицировать сравнительно безболезненно. Однако провал политики христианизации по отношению к татарам мусульманам объясняется, прежде всего, самими миссионерами высокой степенью образовательной системы татар – мусульман. Профессор противомусульманского отделения Казанской Духовной академии Ефимий Малов писал: «Если магометане так долго отстраняли от себя влияние окружающего русского населения, то именно благодаря своему школьному устройству. Удивительная, в самом деле, вещь, эта магометанская школьная организация. При населении менее чем из двух миллионов магометан, существует 3000 общинных школ, основанных по инициативе самих общин. Без всякой внешней связи, они стремятся к одной цели, к соблюдению строгого правоверия. Помимо этих низших школ существует еще около 250 школ для приготовления мулл /медресе/,

из которых иные посещаются многими сотнями студентов. В них магометанская ученость процветает во всей своей первобытной чистоте». Необходимо отметить, что именно кадимистская система образования спасла татарский народ от христианизации и дальнейшей русификации.

Однако и старания миссионеров не прошли даром. Данная политика с одной стороны численно уменьшала количество мусульманских народов, с другой создавала непродоходимую стену отчуждения между властью и мусульманским населением. Можно смело утверждать, что до начала XX в. мусульманские народы российской империи жили довольно обособленной жизнью, и только модернизация лавиной хлынувшая со второй половины XIX века в Россию, начала существенно менять традиционные устои жизни мусульман. Именно в это время начинает пробуждаться этническое самосознание татарского народа, и наблюдаются попытки со стороны татарской интеллигенции, выстроить диалог между государственной властью и мусульманской умой с целью интеграции мусульманского населения страны в российскую нацию, как полноправных граждан.

Вместе с тем начинает меняться и идентичность татар-

мусульман. Казанский губернатор Боярский отмечал, что если раньше, на вопрос какой ты национальности татарин отвечал, что он мусульманин, то в начале XX века у татар начала четко выражаться этническая самоидентификация. Губернатор пишет: «в Казанской губернии тяготение к религиозному фанатизму ослабеваает и крепнет стремление к поднятию народности, усвоению татарского национализма и созданию самостоятельной мусульманской культуры» [8, с. 79].

Такому существенному повороту в перемене идентичности способствовало несколько факторов. В XIX веке в России, несмотря на национальное угнетение инородцев, у татар создались все условия для формирования буржуазной нации. Были в наличии все формы для институализации этничности: мечеть, школа, печать, периодика, национальная буржуазия и национальная интеллигенция, национальные рынки сбыта товаров и территории культурного влияния, наконец, своя официальная историография. «Кто же ты, если не татарин?» – вопрошал Шигабутдин Марджани в своей исторической работе «Мустафад ал-ахбар...».

Эти качественные изменения самосознания татар, по-

родили интеллектуальное движение, выразившуюся в форме джадидизма. Как известно истоки джадидизма берут начало в 1860-е гг. в деятельности Хусаина Фаизханова с его проектом школьной реформы и Шигабутдина Марджани с идеей татарской нации, реформы ОМДС и реформой медресе «Марджания». Основоположником Джадидизма стал Исмаил бей Гаспринский, который в 1883 г. приезжает в Казань, делится с Ш. Марджани планами реформ. В 1884г. он создает в Бахчисарае первый новометодный мектеб, где наряду с религиозными предметами стали преподаваться и светские, причем по учебникам, переведенным с европейских языков.

Благодаря этой системе образования очень скоро татары стали превращаться в передовую европейскую этно-нацию, с сильнейшим влиянием на другие мусульманские народы, как внутри России, так и за рубежом. Наиболее зримо европеизация татар проявилась, прежде всего, в бытовой культуре: в появлении европейской одежды, изменения покроя платья в женском костюме, жилищно-бытовом устройстве, досуге горожан, а так же в повсеместном распространении русского языка.

Положительная идентичность татар в регионе привела

к тому, что ислам стали принимать и некоторые соседние фино-угорские и тюркоязычные народы, прежде всего чуваш и удмурты. Статистические данные показывают, что в 1826 г. в Казанской губернии проживало 136 470 татар, а в 1897 г. их количество составило 774 627. Такое пятикратное с лишним (545 %) увеличение количества татар за 70 лет официальной властью и миссионерами связывалось с исламизацией финно-угорского и крещено-татарского населения. С этого времени начались религиозные гонения чуваш и других «инородцев», принявших ислам. Так, Сенатским указом 1849 года принявшим ислам чувашам предписывалось «быть в той же чувашской вере и обязать их подпискою, под смертной казнью, чтоб они впредь Магометанского закона отнюдь не держали... и в том от кого избычатся, за то казнены будут смертно без всякой пощады».

Пытаясь контролировать и затормозить процесс бурного развития модернизации мусульманского общества, государственная власть выступила с рядом проектов направленных на дальнейшую ассимиляцию татарского народа и скорейшего конструирования этноконфессиональной группы кряшен. К тому же дан-

ные процессы сопровождалась массовым отпадением крещенных татар обратно в ислам. По свидетельству профессора Казанской духовной академии М.А. Машанова, «с шестидесятих годов ислам гордо поднял голову и решил открыто выступить в борьбу с православием. Результатом этого являются массовые отпадения христиан в магометанство. В одной только Казанской губернии отпало тогда около 9 000 душ» [6, с.12]. И.К. Загидуллин считает, что в период с 1865-1868 гг. в мусульманство отпало около 12 тыс. крещеных татар мужского пола [3, с.77].

Власти озабоченные такими явлениями, были заинтересованы в более мягком и последовательном процессе аккультурации крещенных татар, а именно через «систему Ильминского».

Первоначально молодой бакалавр Казанской духовной академии Николай Ильминский был взят в штат переводческой комиссии для перевода богослужебных книг на татарский язык. Однако первый опыт такого перевода был плачевным. Книги были переведены на литературный татарский язык, пестревший арабизмами и персизмами. Этот язык крещенные татары, оторванные от арабо-мусульманской культуры не по-

нимали, кроме того данные книги были напечатаны арабским шрифтом. Миссионеры узрели в этом факте большую опасность. Кряшен, умеющий читать и писать, на арабском шрифте, мог попасть под влияние татаро-мусульманской культуры, и идеологии. Тогда процессы акультурации кряшен были бы затруднительны.

В 1862 году Ильминский с помощью крещенного татарина Василия Тимофеева создал для них алфавит и букварь на кириллице. Букварь был апробирован священниками села Чуры отцом Кремковым и села Савруши отцом Пеньковским. Однако данный букварь был издан под фамилией бывшего ученика Пеньковского, выпускника Казанской академии Я.И.Фортунатова.

Для того что бы окончательно оторвать крещенных инородцев от ислама, в начале 60-х годов по инициативе Ильминского возникли целый ряд миссионерских учебных заведений. В 1870 году на совете Министерства народного просвещения в присутствии попечителей учебных округов, инспекторов нерусских школ «система Ильминского» была официально одобрена. В результате при содействии Н.И. Ильминского были открыты 20 кряшенских и 49 чувашских начальных сельских школ. Эти шко-

лы действительно в какой-то степени предотвратили отпадения крещенных татар в ислам и помогли в дальнейшем сконструировать кряшенский этнос.

Идеи преподавания начальных знаний для нерусских народов на родном языке встретило решительное сопротивление, как со стороны властей, так и со стороны реакционного духовенства. Считая татарский язык и языки других народов России «дикими», они вопрошали: «Пригодны ли эти наречия для высокого служения, к которому они предназначаются и могут ли на них без всякого ущерба для содержания, к которому они предназначаются и могут ли на них без всякого ущерба для содержания быть выражены и высшие истины христианского вероучения?». Но больше всего великорусские шовинисты боялись поднятия уровня самосознания народов, уровня их национальной и духовной культуры. Они были прекрасными этносоциологами и довольно четко понимали конструктивистский подход, утвердившийся в социологии в наше время. Вот что они писали: «Язык, это народ: утвердите язык письменностью, дайте ему некоторую литературную обработку, изложите его грамматические правила, введите его в школу и в цер-

ковь, и вы тем самым утверждаете соответственную народность и доселе безразличных к языку чуваш и др., с явным даже влечением к усвоению русского языка, обратите в племя, которое будет дорожить своими особенностями и будет сознательно настаивать на своем обособлении» [7, с. 14-16].

Интересно, что противодействие системе Ильминского имеет место и на сегодняшний день. Современные удмурты пытаются вести церковное богослужение на своем языке, а русские священники этому им препятствуют. Видимо как прежде, так и теперь приходские русские священники боятся поднятия удмуртского самосознания и, того, что их места займет духовенство из «инородцев».

Следует признать что, с одной стороны миссионерские школы способствовали появлению интеллигенции у нерусских народов, способствовали формированию этнического самосознания, однако необходимо отметить, и то, что ассимиляционные процессы в этих этносах идут значительно быстрее, чем у татар-мусульман. Что же касается кряшен, то этносоциологи отмечают их меньшую дистанцированность от русских по сравнению с основной массой татар. Так, Р.Н.Мусина отмечает,

что еще в начале 90-х, татары кряшены в 1,5 раза чаще, чем другие группы татар, имели родственников, состоящих в браке с людьми другой национальности.

Среди казанских миссионеров противником системы Ильминского были преподаватели и выпускники противомусульманского отделения Казанской Духовной Академии. На первый план борьбы с мусульманской идентичностью они выдвигали метод «полемики». Особенно на этом поприще старались православные миссионеры такие как: А. Можаровский, Е. Малов, И. Березин, Н. Остроумов, А. Раев, Е. Виноградов, И. Боголюбский, А. Яблоков, М.А. Машанов и др. Их усилиями были изданы следующие сочинения: «Мысли Корана, благоприятные для обращения мухамедан в христианство»; «Ислам его происхождение, сущность по сравнению с христианством»; «О почитании святых в исламе»; «Мусульманская религия в отношении к образованности»; «Православная противомусульманская миссия в Казанском крае в связи с историей мусульманства в половине XIX века»; «Метод миссионерской полемики против татар-мусульман»; «Джихад или священная война мусульман»; «Признаки истинности

православного христианства и лживости мухамеданства» и многие другие [10]. В трудах представителей данного направления можно обнаружить следующие характерные особенности. Во-первых, не найдя в мусульманской религии «знакомые им модели мира, они наделяли ислам всеми отрицательными чертами». Во-вторых, они критиковали ислам будто бы от имени науки. Если представители европейской науки пытались полемизировать с исламом с точки зрения «чистейшего разума», то представители данного направления рассуждали по этим проблемам применительно к запросам государства и православной церкви. Это было обусловлено тем обстоятельством, что интересы государства и православной церкви или совпадали, или тесно соприкасались. Эти моменты усилились в связи с тем, что в XIX веке Российская империя осуществляла крупномасштабную экспансию в районы компактного проживания мусульманских народов. В связи с этим государство нуждалось в идеологическом обосновании этих завоеваний. Нужно было убедить собственный народ в необходимости проведения такой политики, поэтому пытались обосновать ее актуальность с точки зрения религии. В свою очередь, церковники свои ин-

тересы выдавали за интересы государства и использовали все свое влияние для выколачивания денег из казны в целях расширения миссионерской деятельности среди мусульманских народов. В этих же целях они старались передать миссионерские школы на содержание государства. Мотивировалось это тем, что борьба с исламом – вопрос не только религиозный, но и политический, поскольку ислам наступает якобы на православие и идет так называемое «татаризация восточных окраин». Особо рьяно они стали выступать против новометодных школ. Они уловили внутри реформаторского движения возрастающее национальное самосознание и осознание взаимосвязанности мусульман России и мусульман за ее пределами. Они находились в непримиримой оппозиции к реформаторскому движению и высказывались о необходимости его подавления. Не остались в стороне от подавления ростков национального возрождения и высшие военные и светские чины империи. Туркестанский генерал-губернатор Самсонов рекомендовал царю закрыть все татарские новометодные школы, поскольку «они явятся в будущем рассадниками не только панисламизма, но и пантюркизма и паназиатиз-

ма» [9, с. 382].

Некоторые современные исследователи пытаются интерпретировать джадидизм в русле христианской реформации, однако, это не совсем так. Джадидизм не означал изменение богослужбной мусульманской практики (ибадат) и догматики (акида), а являлся светским движением, возглавляемым татарской интеллигенцией, а не богословами, как в Европе, поэтому неправомерно его отождествление с европейской реформацией. Требования времени закономерно вызвали реформу татарского конфессионального медресе, нацеленную на сближение к стандартам европейского образования. Такие школы были направлены не только на использование прогрессивных методов дидактики, таких как звуковой метод обучения чтению и письму, классно-урочная система, но и предусматривали широкое включение в учебную программу предметов естественного и гуманитарного цикла. Переводя учебники, как с русского, так и с других европейских языков, мусульманские интеллектуалы модернистского толка стремились интегрировать мусульманскую школу в общероссийскую систему образования. Действительно, новометодные татарские медресе получили большое рас-

пространение в Средней Азии и Казахстане. В этом плане они стали конкурентами русского влияния на востоке России. В итоге татарам запретили преподавать детям других национальностей, а так же запретили покупать в этих краях недвижимость.

Важным каналом акультурации инородцев стала государственная издательская деятельность. Казань являлась центром перевода богослужбных книг на языки нерусских народов России, а также центром издания миссионерской литературы. Несмотря на наличие татарских типографий в крае, «отношение правительства к периодической печати на языках мусульманских народов скорее было негативным» [2, с. 233]. Вплоть до 1905 года татарами было подано 20 прошений на открытие периодических изданий на татарском языке – все они были отклонены. Единственно Исмаилу Гаспринскому удалось добиться разрешения на издание газеты «Тарджеман» (1883-1918), и то на искусственном языке тюрки, который он создал для объединения всех тюркских народов под единой идеологией. Его газета явилась, рупором джадидизма, трибуной пропаганды идей просвещения, либерализма и национального возрождения.

Восьмидесятые – девяностые годы XIX в. стали весьма значимые в татарской культуре. В татарской среде появилась плеяда европейски ориентированной буржуазной интеллигенции, которая хорошо зная русский язык, вступила в полемику с властью, стремясь с одной стороны защитить ислам и татарскую культуру от ассимиляции, с другой стороны развеять предрассудки, навязываемые со стороны православных миссионеров.

Мусульманские модернисты в лице И. Гаспринского, А. Давлет-Кильдеева, А. Баязитова, Мурзы Алима развернули на страницах печати острую полемику с миссионерами, отстаивая ценности ислама и доказывая, что мусульманские народы должны стать равноценными и равноправными членами российского общества.

Они, обращаясь к русскоязычной публике, стремились представить «русских мусульман» органической частью российского общества, верно подданными российского престола, наивно полагая, что власти и русское общество их поймут и изменят свое отношение к мусульманам.

Через все труды этих авторов проводится мысль о мировоззренческой близости христианства и ислама, об общих

истоках этих религий, об отсутствии антогонизма в ценностных приоритетах мусульман и христиан.

Первым в ход богословско-исторической и богословско-философской дискуссии, развернувшейся на страницах русской периодической печати и в научных кругах, вмешался А. Давлет-Кильдеев. В 1881 году он издал небольшую брошюру под названием «Магомет как пророк» [3]. В ней автор пытался обосновать следующие положения:

- Коран не предписывает мусульманам враждебно относиться к христианству и другим вероучениям;

- фанатизм мусульманского духовенства затемняет во многом истинный смысл и содержание Корана;

- мусульман от прогресса огораживало не учение Магомета, а фанатизм мусульманского духовенства;

- если придерживаться смысла, а не буквы Корана, то мусульмане быстро приобщатся к европейской цивилизации.

В целом Давлет-Кильдеев стремился убедить русскоязычных читателей в том, что учение ислама проникнуто веротерпимостью и не препятствует прогрессу.

В том же 1881 году Исмаил Бей Гаспринский издал в городе Симферополе брошюру

под названием «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения» [1, с. 102]. Цель издания была сформулирована следующим образом: «Вызвать обсуждение и исследование вопроса о будущности русских мусульман в интересах отечества и цивилизации». Автор ратовал за то, чтобы российским мусульманам был открыт доступ к образованию. Образованность будет служить гарантом того, что «рано или поздно русское мусульманство, воспитанное Россией, станет во главе умственного развития и цивилизации остального мусульманства».

В этой работе Исмаил бей Гаспринский как наиболее последовательный европейский модернист, обличает политику руссификации и ассимиляции, он пишет: «Система ассимиляционной политики, с какой бы выдержкой и тактом она не проводилась, носит в себе характер принуждения, ограничения прав данной народности и поэтому одному уже имеет за собой очень мало симпатий... Мы не находим необходимых оправданий для политики поглощения одной народности другою, политики руссификационной в нашем отечестве, если слово «руссификация» понимать именно в смысле поглощения русскими других народностей импе-

рии». Политике ассимиляции он противопоставляет идею и практику «мультикультурализма» бытующую в те времена в США, Швейцарии и в других западных странах. В итоге он выражает надежду на «возможность единения, сближения нравственного, на почве равенства, свободы и образования».

Вслед за представителями интеллигенции в дискуссию стали втягиваться представители мусульманского духовенства. В 1883 г. была издана брошюра «Возражение на речь Эрнеста Ренана «Ислам и наука»». Ее автором был ахун Санкт-Петербургской соборной мечети Атаулла Баязитов (1847-1911). Основную мысль по вопросу об отношении ислама к науке Эрнест Ренан выражал следующим образом: в определенные этапы исторического развития в мусульманских странах развивалась наука и даже временами достигала больших высот, однако нельзя все это приписывать исключительно роли ислама. Он больше склонялся к мысли о том, что ислам является тормозом для развития науки. В ответ на эти обвинения Баязитов весьма аргументированно доказывает, что до эпохи Возрождения мусульманская цивилизация значительно опережала европейскую, как в теоретических знаниях, так

и в качестве жизни. И только после крестовых походов Европейская культура, обогатившись знаниями античной и арабо-персидской цивилизации, смогла вырваться вперед. В своей работе Баязитов приводит массу хадисов, доказывающих, что ислам как религия ставит главной задачей жизни мусульманина – получение знаний. Вслед за этим очерком, Баязитов издает еще ряд работ, в том числе: «Отношение ислама к науке и иноверцам» (1887 г.), «Ислам и прогресс» 1898 г. Современного читателя поражает глубина и широта суждений автора по сложным проблемам тогдашней общественной жизни и четкость мысли при определении позиции ислама по наиболее актуальным вопросам миропонимания. Указанные сочинения написаны прекрасным русским литературным языком и рассчитаны на русскоязычного читателя. Обращает на себя и то обстоятельство, что Баязитов точно передал на русском языке содержание и смысл изречений из Корана и хадисов.

Таким образом, татарские публицисты в конце XIX в., пытались активно воздействовать на общественное сознание русскоязычных читателей, стремясь развеять негативные мифы и стереотипы, навязываемые церковной историогра-

фией и публицистикой. Знание первоисточников, глубина их рассуждений и хорошие знания литературного русского языка способствовали переходу части русскоязычной интеллигенции на позиции веротерпимости,

Что же касается исламского интеллектуального наследия, то, что джадидисты, что кадимисты выстраивали положительную мусульманскую татарскую идентичность, с той лишь разницей, что кадимисты строили ее с опорой на традиционные консервативные ценности, а джадидисты с опорой на ценности развития и европейского модернизма. Обе стороны по-своему стремились к одной той же цели, чтобы татары-мусульмане были органично встроены в российскую гражданскую систему и смогли наиболее полно реализовать свой личностный потенциал.

Что же касается политики христианизации и дальнейшей русификации, то в начале XX века миссионеры сами признали безрезультатность и никчемность такой политики. Например, профессор Казанской Духовной Академии Петр Знаменский писал: «Татары представляют собою вообще самую крепкую из народностей восточного инородческого края, не поддающуюся никаким влияниям со стороны

народности господствующей ...татарская вера твердо выдерживала все напоры на нее христианской миссии ...о каком-нибудь обрусении татар речи». Подтверждением пра-

вомерности этой точки зрения стал факт перехода 50 тысяч крещенных татар обратно в ислам, после опубликования закона о «свободе совести» в 1905 году.

Литература:

1. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки, наблюдения. // Этнографическое обозрение, №5, 1992, с.102.
2. Гафаров А.А. Российская государственная власть и мусульманский модернизм: противоречивый поиск путей конструктивного диалога (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Традиции и новации в сфере этноконфессиональных взаимодействий. – Казань, 2012. – с.233.
3. Давлет– Кильдеев А. Магомет как пророк. – Спб., 1881, с.1-35.
4. Загидуллин И.К. К вопросу отпадения крещеных татар Казанской губернии в мусульманство в 1866 г. // Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1990, с.77
5. История Татарии в документах и материалах М., 1937, с.325.
6. Машанов М.А. Обзор деятельности Братства святого Гурья за 25 лет его существования. – Казань. 1892, с. 12.
7. Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб. 1910, с. 14–16.
8. Цит. по: Исхаков Д.М. От нации «мусульманской – к нации «татарской» // Татарстан, 1995, №9-10, с.79.
9. Цит. по: Литвинов П.П. Антитатарская политика царизма в Средней Азии и Казахстане. // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995, с. 382
10. Фортунатов Я. Мысли Корана, благоприятные для обращения мухамедан в христианство // Миссионерский противомусульманский сборник 1875, вып.7; Боголюбский Н. Ислам его происхождение, сущность по сравнению с христианством. – Самара. – 1885; Яблоков А. О почитании святых в исламе. // Православный собеседник. 1883, 4.3, N 12; Березин И. Мусульманская религия в отношении к образованности. // Отечественные записки. 1855, т.98; Малов Е. Православная противомусульманская миссия в Казанском крае в связи с историей мусульманства в половине XIX века. // Православный собесед-

ИСЛАМ И КУЛЬТУРА МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ

ник. 1870, №№1,2,7; Виноградов Е. Метод миссионерской полемики против татар – мусульман.// Миссионерский противомусульманский сборник. 1873, вып.1; Агрономов А.И. Джихад, священная война мусульман. – Казань, 1877; Раев П. Признаки истинности православного христианства и лживости мухамеданства.// Миссионерский противомусульманский сборник. 1875, вып.9.